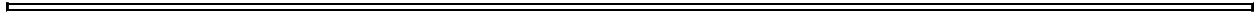

- [Горький Максим](#)

-

Горький Максим

Васса Железнова (второй вариант)

А.М.Горький

Васса Железнова. Второй вариант

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

В а с с а Б о р и с о в н а - лет 42, кажется - моложе.

С е р г е й П е т р о в и ч - 60 лет, был капитаном, плавал в Чёрном море, потом служил на речных пароходах.

П р о х о р Б о р и с о в и ч Х р а п о в - 57 лет, брат Вассы.

Н а т а л ь я - 18 лет |

Л ю д м и л а - 16 лет | дочери Вассы.

Р а ш е л ь - сноха, под 30 лет.

А н н а О н о ш е н к о в а - за 30 лет, секретарша и наперсница Вассы.

М е л ь н и к о в - член окружного суда.

Е в г е н и й - сын его.

Г у р и й К р о т к и х - управляющий пароходством.

Л и з а |

П о л я | горничные.

П я т ё р к и н - лет 27-30, бывший солдат и матрос речного пароходства, на голове у него - чалма густых, жёстких волос, холёные усы.

ПЕРВЫЙ АКТ

Большая комната, угол дома; здесь Васса прожила лет десять и проводит большую часть дня. Большой рабочий стол, перед ним лёгкое кресло с жёстким сиденьем, несгораемый шкаф, на стене обширная, ярко раскрашенная карта верхнего и среднего течения Волги - от Рыбинска до Казани; под картой широкая тахта покрыта ковром, на ней груда подушек; среди комнаты небольшой овальный стол, стулья с высокими спинками; двойные стеклянные двери на террасу в сад, два окна - тоже в сад. Большое кожаное кресло, на подоконниках - герань, в простенке между окнами на полу в кадке - лавровое дерево. Маленькая полка, на ней - серебряный жбан, такие же позолоченные ковшички. Около тахты дверь в спальную, перед столом - дверь в другие комнаты. Утро. Через дверь и окна комната очень весело освещена солнцем конца марта. Вообще комната очень просторная, светлая, весёлая. Входят В а с с а, К р о т к и х.

В а с с а. Три с полтиной за тысячу пудов - тридцать пять сотых

копейки с пуда, это, конечно, маловато для грузчиков товаро-пассажирских пароходств - им приходится таскать грузы и за двадцать сажен и дальше. Вырабатывают они в среднем целковый в сутки, а едят много и без мяса - не живут. Вот вам бы на это обратить внимание, статейку в газеты заказать, найти человечка, чтобы с грузчиками потолковал. Найдёте такого?

К р о т к и х (весело). Найдём!

В а с с а. Ну вот! Надобно крупные пароходства прижать, а наше хозяйство - мелкое, и груз - мелкий, у нас свои матросы перебрасывают его с парохода на пристань, грузчиками пользуемся изредка, как вы знаете.

К р о т к и х. Это не совсем так. Матросам два рубля с тысячи - мало!

В а с с а. А за что больше-то? Вот вы устройте, чтоб "Кавказ-Меркурий" и прочие до пятишницы с тысячи пудов цену подняли, тогда наши пароходики охотнее грузиться будут, ну и мы прибавим матросам. Так-то! Уж извините, записочку эту вашу я бракую.

К р о т к и х (морщится). Видите ли, Васса Борисовна...

В а с с а. А вот вы потолковали бы с гончарами, с мелкими мельниками, вообще - с кустарщиной, сделали бы им уступочку, чтобы они нам грузы давали, вот это полезно было бы...

К р о т к и х (не без гордости). Прошлый год кончили хорошо, прибыль солидная!

В а с с а. Что же это: всё хорошо да хорошо? Надобно ещё лучше, а то скучно жить будет всё только в хорошем. Ну, будьте здоровы! На меня дела плывут.

(Кротких молча кланяется, уходит.)

В а с с а (прислушивается). Анюта!

(Входит Анна.)

В а с с а. На-ка вот, сними копии живенько! Ворчит Гурий?

А н н а. Да, недоволен.

В а с с а. Что сказал?

А н н а. Не разобрала. Что-то о консерватизме.

В а с с а. Конечно. Социалист, видишь ли! А ему социализм, как Прохору - бог: по привычке молится, а душой - не верит. Ты краснобайству его не верь... О чём вчера беседовали?

А н н а. Рассказывал о сотрудничестве немецких социалистов с королём ихним.

В а с с а. Гляди, как бы он тебе брюхо не натискал социализмом своим.

А н н а. Нет, уж я выучена! Он за Натальей Сергеевной ухаживает.

В а с с а. Знаю. Ну, Натка не глупа.

А н н а. Он и за Людочкой...

В а с с а. Видишь, какой... разносторонний. (Звонок по телефону.) Да, я. Пожалуйста. Жду. Это квартирант - Мельников. (Отпускает её движением руки. Стоит у стола, раздумывая, перебирая бумаги и переставляя вещи, хмурится, глядя вперёд.)

М е л ь н и к о в (из комнаты Анны). Доброе утро, многоуважаемая.

В а с с а. Спасибо. Притворите дверь. Садитесь. Ну, что?

М е л ь н и к о в. Новости невесёлые. Предварительное следствие закончено, поступило прокурору. Следователь уверяет, что смягчил как только мог.

В а с с а. За три-то тысячи мог бы и совсем смягчить.

М е л ь н и к о в. Невозможно. Я читал показание этой бабы-сводни, она там пооткровенничала, как на исповеди.

В а с с а. Значит, суд будет?

М е л ь н и к о в. Неизбежно.

В а с с а. Наказанье-то какое?

М е л ь н и к о в. Возможно - каторжные работы.

В а с с а. Как это называется у вас?

М е л ь н и к о в. Что именно?

В а с с а. Баловство это... с детьми?

М е л ь н и к о в. Растление...

В а с с а. И слово какое-то... липкое! Теперь - что будет?

М е л ь н и к о в. Прокурор составит обвинительный акт, вручат акт обвиняемому, арестуют его.

В а с с а. Всех троих? И сводню?

М е л ь н и к о в. Конечно.

В а с с а. А прокурор может ещё... смягчить?

М е л ь н и к о в. Прокурор - может. Но наш метит на высокую карьеру и едва ли решится. Хотя есть слух, что со стороны соучастников... деяния хлопочут.

В а с с а. Ага! Нуте-ка, давайте похлопочем и мы. Попробуйте, прошу вас. Предложите прокурору сделку, чтобы не заводил шума. Мне нужно похерить это дело, совсем похерить! У меня - дочери.

М е л ь н и к о в. Васса Борисовна, при всём моём уважении к вам и при всей благодарности за великодушные ваше...

В а с с а. Вы - короче! О благодарности будем говорить, когда кончим дело это мирно и прилично. Действуйте.

М е л ь н и к о в. Я - совершенно не в состоянии... Не могу.

В а с с а. Имейте в виду - мне денег не жалко... на этот случай! Удастся - векселя ваши возвращаю вам. Могу добавить ещё тысячи полторы. Будет

пять. Довольно?

М е л ь н и к о в. Да, но... всё-таки я...

В а с с а. А вы - смелее!

М е л ь н и к о в. Лучше, если бы вы сами...

В а с с а. Ну, это слишком жирно будет для прокурора, чтоб я ему кланялась. Платить - согласна, а кланяться - нет! К тому же я - человек грубый, прямой. У меня - не выйдет. Вы сегодня же, пожалуйста! Потом позвоните и скажите цифру. Желаю успеха. Ну-с?

М е л ь н и к о в. Разрешите откланяться... Спешу в суд.

В а с с а. Да, да, спешите! (Сидит, закрыв глаза. Выдвинула ящик стола, чего-то ищет. Нашла коробочку, рассматривает содержимое, помешивая его вставкой пера. Шум за дверями. Быстро спрятала коробочку в карман. Входит Людмила.)

Л ю д м и л а. Здравствуй; мама Вася! Милый мой, удивительный сон видела я, удивительно красивый...

В а с с а (целуя её). Для тебя, Людок, и явь хороша.

Л ю д м и л а. Нет, послушай...

В а с с а. За обедом расскажешь.

Л ю д м и л а. Там Натка смеяться будет, или ещё кто помешает, или я забуду. Сны ужасно легко забываются. Ты здесь послушай.

В а с с а. Нет, Людок, иди! И пришли мне Лизу живенько.

Л ю д м и л а. Ах, боже мой! Какая ты сегодня недобрая!

В а с с а (одна, ворчит). Недобрая... Эх, дурочка... (Лиза пришла.) Брат жалуется, что ты не слушаешь его, замки не смазала.

Л и з а. Васса Борисовна, не успеваю я. Одна для всех, на весь дом... Трудно мне! Дайте помощницу, девчоночку какую-нибудь...

В а с с а. Этого - не жди! Терпеть не могу лишних людей в доме. Тебе помогают барышни. Получаешь - хорошо, старайся. Меньше спи. Брат - дома?

Л и з а. Нет.

В а с с а. Сергея Петровича позови ко мне.

(Стоит среди комнаты, думает, щёлкает пальцами, щупает карман. Железнов - в халате, растрёпанные курчавые волосы, щёки, подбородок давно не бриты, толстые седые усы.)

В а с с а. Только что встал или спать собираешься?

Ж е л е з н о в. Что тебе надо?

В а с с а (плотно притворяя дверь в комнату Анны Оношенковой). Не кричи. Не страшен.

(Железнов возвращается к двери.)

В а с с а (обошла его, притворила и эту дверь). Обвинение твоё утвердил прокурор.

Ж е л е з н о в (схватился за спинку стула). Не верю! Врёшь.

В а с с а (спокойно). Утвердил.

Ж е л е з н о в. Я ему, подлецу, девять тысяч в карты проиграл. Я намекал ему... Ещё одиннадцать дал бы...

В а с с а. На днях получишь обвинительный акт, после этого арестую тебя, в тюрьму запрут.

Ж е л е з н о в. Пожадничала ты, пожадничала! Мало следователю дала. И Мельникову, видно, мало. Сколько дала, скажи?

В а с с а. За растление детей полагается каторга.

Ж е л е з н о в (сел, мотает головой, говорит глухо). А ты - рада?

В а с с а. У тебя дочери - невесты. Каково для них будет, когда тебя в каторгу пошлют? Кто, порядочный, замуж их возьмёт? У тебя внук есть, скоро ему пять лет минет. Лучше бы тебе, Сергей, человека убить, чем пакости эти содеять!

Ж е л е з н о в. Тебя убить следовало, вот что! Убить, жестокое сердце твоё вырвать, собакам бросить. Замотала ты меня, запутала. Ты...

В а с с а. Не ври, Сергей, это тебе не поможет. И - кому врёшь? Самому себе. Не ври, противно слушать. (Подошла к мужу, упёрлась ладонью в лоб его, подняла голову, смотрит в лицо.) Прошу тебя, не доводи дело до суда, не позорь семью. Мало о чём просила я тебя за всю мою жизнь с тобой, за тяжёлую, постыдную жизнь с пьяницей, с распутником. И сейчас прошу не за себя - за детей.

Ж е л е з н о в (в страхе). Что ты хочешь, что тебе надо? Что?

В а с с а. Ты знаешь.

Ж е л е з н о в. Не быть этому! Нет...

В а с с а. Хочешь, на колени встану? Я! Перед тобой!

Ж е л е з н о в. Отойди. Пусти! (Пробует встать.)

В а с с а (нажала руками плечи его, втиснула в кресло). Прими порошок.

Ж е л е з н о в. Уйди...

В а с с а. Подумай - тебе придётся сидеть в тюрьме, потом - весь город соберётся в суд смотреть на тебя, после того ты будешь долго умирать арестантом, каторжником, в позоре, в тоске - страшно и стыдно умирать будешь! А тут - сразу, без боли, без стыда. Сердце остановится, и - как уснёшь.

Ж е л е з н о в. Прочь... иди! Пускай судят. Всё равно.

В а с с а. А - дети? А - позор?

Ж е л е з н о в. В монастырь попрошусь. Пускай постригут. В схимники. Под землёй жить буду, а - буду!

В а с с а. Глупости говоришь. Прими порошок!

Ж е л е з н о в (встаёт). Не... не приму. Ничего от тебя не приму...

В а с с а. Прими добровольно.

Ж е л е з н о в. А то - что? Отравишь?

В а с с а. Сергей, вспомни о дочерях! Им жить надо. За пакости отцов дети не платят.

Ж е л е з н о в. А за матерей?

В а с с а. Бессмысленное сказал. Пойми, Сергей, я на суде молчать не стану. Я расскажу, как ты привозил в мой дом гулящих девок, как распутничал с ними, показывал гулящим-то Наталью с Людой, скажу, как учил их вино пить...

Ж е л е з н о в. Врёшь! Это Прохор, брат твой, учил, Прохор.

В а с с а. Людмилку напугал, и оттого она вроде слабоумной, учиться не может, ни к чему не способна.

Ж е л е з н о в. А Наталья - вся в тебя, вся!

В а с с а. Так вот знай: всё скажу суду и людям!

Ж е л е з н о в (встал, рычит). Отойди! Страшно глядеть на тебя. Пусти. (Оттолкнул её, идёт к двери.)

В а с с а (за ним). Прими порошок, Сергей...

Ж е л е з н о в. Нет! (Вышли. В двери - Лиза, в руках её - поднос, на нём несколько штук разнообразных замков. За нею - Прохор Храпов с большим амбарным замком в руке.)

П р о х о р (угрюмо). Из-за чего грызлись?

Л и з а. Не знаю. Слышала только, что она уговаривала его порошок принять.

П р о х о р. Какой порошок?

Л и з а. Наверное - лекарство.

П р о х о р. Какое лекарство?

Л и з а. Откуда мне знать - какое?

П р о х о р. Ну, и дура! Сергею никаких лекарств не требуется. Он здоров, как верблюд. Мы с ним до четырёх утра, всю ночь девятку ловили и коньяком питались.

Л и з а. Содовый порошок, может быть.

П р о х о р. Ещё раз - дура! Коньяк соды не требует. Чего торчишь? Поставь замки на стол. Ничего не видишь, не знаешь. За что тебе подарки дарю?

Л и з а. Подарили вы мне! Скоро всем виден будет подарок ваш.

П р о х о р. Лучше - я, чем Пятёркин. Передвинь кожаное кресло, от солнца кожа портится, а ему шестьдесят пять рублей цена.

Л и з а. Солнцу?

П р о х о р. Креслу, подарок мой сестре. Солнце ничего не стоит. Погоди-ка! Ты что это? Шутки шутить? Ты не забывайся однако! Солнцу! Избаловала тебя сестра, как старая девка - кошку. Ступай к чертям! (Разглядывает бумаги на столе, чихает. Поёт на "шестый глас" (церковное песнопение - Ред.)

Под вечер осенью ненастной
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала...

Н а т а л ь я (входит). Какой хороший день...

П р о х о р. Ещё ничего не известно, день только начался. Ты что росомарой такой бегаешь? Не причёсана... растрёпа!

Н а т а л ь я. Знаешь - решили судить отца.

П р о х о р (испуганно). Кто сказал?

Н а т а л ь я. Евгений Мельников.

П р о х о р (сел). Ах, чёрт... Не отвертелся, капитан. Вот те и Железновы! Вот те и Храповы, старинна честн`ая фамилия! Дожили! Довёл капитан наше судно. Ой, будет срама! По смерть всем нам срама хватит.

Н а т а л ь я. Может, оправдают?

П р о х о р. Не в этом дело! Дело в суде, в позоре. И, наверное, засудят. Теперь такая мода: ежели богат, значит - виноват. Несчастные люди - богатые! Ты пойми - не столько капитана Железнова судить будут, сколько нас, Храповых.

Н а т а л ь я. Ничего нельзя сделать?

П р о х о р. В Америку бежать, куда все жулики скрываются.

Н а т а л ь я. А - подкупить суд?

П р о х о р. Делали. Сестра не одну тысячу посеяла, чтобы скандал этот погасить. Полиции дано, следователю - дано. Не вышло, значит. Теперь мне городским головой - не быть, тебе с Людмилой женихов своего круга - не найти, даже и с приданым вашим. Запачкал вас папаша - сукин сын, проходимец! Эх, идиётка...

Н а т а л ь я. Мать?

П р о х о р. Ну да.

Н а т а л ь я. Она - не идиотка.

П р о х о р. А на кой чёрт лезла замуж за капитана этого? Почти на двадцать лет старше её.

Н а т а л ь я. Вы уговаривали. Он приятель ваш.

П р о х о р. Я, я? Я - человек... не от мира сего! Да, я добродушный. Артист в натуре. Я, молодой, мечтал в оперетке комиков играть. А он... по морям плавал! Эка важность! Мало ли дерьма по морям-то плавает!

Н а т а л ь я. Она его любила?

П р о х о р. А поди ты к чёрту! Это не любовь, ежели от своего стада девка отбивается. Это - безумство! Ежели дворяне на цыганках, на актрисах женились - это нашему сословию не пример, не указ!

В а с с а. Кто это тебе не указ?

П р о х о р. Мы тут с Натальей...

В а с с а. Вижу, что тут и с Натальей.

П р о х о р. Как Сергей-то?

В а с с а. Ничего. На сердце жалуется. Ната, скажи, чтоб чаю дали мне.

Н а т а л ь я. Сказали бы прямо, что мешаю...

В а с с а. Да. И - мешаешь. А чай я ещё не пила. Ты чего кричал?

П р о х о р. Закричишь! Суд-то не удалось отвести.

В а с с а. С девицами подожди говорить об этом. Сама скажу.

П р о х о р. Наталья знает. Она и сказала мне.

В а с с а. А ей - кто?

(Людмила тихонько входит.)

П р о х о р. Сын Мельникова. Напрасно девицы принимают его.

Л ю д м и л а. Он интересный, а нам - скучно! Подруги всё хворают, не ходят к нам.

В а с с а. Ты, Люда, поди-ка помоги Лизе убраться в комнатах.

Л ю д м и л а. Я хочу с тобой побыть. Что ты меня всё толкаешь куда-нибудь?

В а с с а. Дела, Людок, хозяйство.

Л ю д м и л а. Хозяйство, хозяйство! А для дочери и нет время, ни минутки!

В а с с а. Вот, буду чай пить - придёшь, поговорим, а теперь - иди!

Л ю д м и л а. Плакать хочется от этого. Я ведь знаю - ты будешь дядю Прохора ругать за то, что он папу распутным зовёт, знаю!

В а с с а (глядя голову дочери, провожает её к двери). Распутный, это... не обида. Распутный - распутывает. Кто-нибудь напутал, а он распутывает. Вот я - всю жизнь распутываю путаницы разные...

Л ю д м и л а. Это ты шутишь! Я ведь знаю, что такое распутный! Вот дядя Прохор.

(Васса хочет закрыть дверь за ней - не удалось.)

Л ю д м и л а (выскользнув из-под руки матери). Распутный. Лизу

беременной сделал. Папу ругает, не любит его.

П р о х о р. Сочиняешь! А вообще старики на любовь скупы.

Л ю д м и л а. И ты, мама, не любишь?

В а с с а. Ну полно, полно!

Л ю д м и л а. Почему не любишь? Дядя - тоже пьяница, так его любишь... Пьянство - болезнь. Женя Мельников...

П р о х о р. Источник премудрости... к чёрту!

Л ю д м и л а. Вроде... колик, какая-то...

(Лиза вносит маленький самовар, за ней - Наталья с подносом посуды. Васса, обняв дочь, ходит по комнате, как бы прислушиваясь к чему-то. Возбуждена, но скрывает возбуждение. Остановилась, рассматривает замки.)

В а с с а (брату). Всё ещё балуешься, не надоело?

П р о х о р. Баловство недорогое. А может быть, и не баловство?

В а с с а. Ну, а что же?

П р о х о р. Да - как знать? Никто замки старые не собирает, а я собираю. И выходит, что среди тысяч рыжих один я - брюнет. Н-да. Замок это вещь! Всё - на замках, всё - заперто. Не научились бы запирать имущество, так его бы и не было. Без узды - коня не освоишь.

В а с с а. Ишь ты как! Даже не глупо. Наталья, разливай чай.

П р о х о р (следит за ней). Ты говоришь, зря деньги трачу, а я вот за этот амбарный замок семь целковых дал, так мне за него уже двадцать пять дают. Соберу тысячу замков - продам в музей... тысяч за двадцать.

В а с с а. Ну ладно, ладно! Дай бог нашему теляти волка поймати. (Людмиле неожиданно и громко.) Отца полюбила я, когда мне ещё не минуло пятнадцати лет. В шестнадцать - обвенчались. Да. А в семнадцать, когда была беременна Фёдором, за чаем в троицын день - девичий праздник - облила мужу сапог сливками. Он заставил меня сливки языком слизать с сапога. Слизала. При чужих людях. А нашу фамилию Храповых - люди не любили.

Л ю д м и л а. Ой, Вася! Зачем ты рассказала?

(Наталья всё время следит из-за самовара за матерью.)

В а с с а. Он - весёлый был. Забавник.

Л ю д м и л а. Шутил?

В а с с а. Наталья, помнишь, как ты коловоротом дырку в переборке просверлила и забавами отца любовалась?

Н а т а л ь я. Помню.

В а с с а. А потом прибежала ко мне, в слезах, и кричала: "Прогони их, прогони!"

Н а т а л ь я. Помню. Это вы домашний суд устраиваете?

П р о х о р. Ох, язва какая!

В а с с а. Значит - помнишь, Наталья? Это - хорошо! Без памяти нельзя жить. Родила я девять человек, осталось - трое. Один родился - мёртвый, две девочки - до года не выжили, мальчики - до пяти, а один - семи лет помер. Так-то, дочери! Рассказала я это для того, чтобы вы замуж не торопились.

Л ю д м и л а. Ты никогда не рассказывала... так.

В а с с а. Времени не было.

Л ю д м и л а. Почему все помирали, а мы живы?

В а с с а. Такое уж ваше... счастье. А помирали оттого, что родились слабые, а слабые родились потому, что отец пил много и бил меня часто. Дядя Прохор знает это.

П р о х о р. Н-да, бивал! Это - было. Приходилось мне отнимать её из капитановых рук. Он людей бить на матросах учился, так что бил... основательно!

Л ю д м и л а. А ты почему не женатый?

П р о х о р. Я - был. В оперетке одной поётся:

Жениться нам весьма легко,

Но трудно жить вдвоём...

Л ю д м и л а. У тебя все песни на один мотив.

П р о х о р. Так проще, лучше слова помнишь. Я с женой четыре года жил. Больше - не решился. Спокойнее жить одному - сам себе хозяин. Зачем свои лошади, когда лихачи есть?

Н а т а л ь я. Фёдор будет жить с нами?

В а с с а. Вылечится - будет, конечно.

Н а т а л ь я. И - Рашель?

В а с с а. Ну... а как же? Жена.

Л ю д м и л а. Какая хорошая она, Рашель!

Н а т а л ь я. После суда над отцом - будут жить?

В а с с а (вспыхнув). Много спрашиваешь, Наталья! И любопытство твоё нехорошее.

Л ю д м и л а. Не сердись, не надо!

Л и з а (испуганно). Васса Борисовна... Сергей. Петрович...

В а с с а (как будто пошатнулась, но спокойно). Что? Зовёт?

Л и з а. Они, кажется, померли...

В а с с а (сердито). С ума сошла! (Быстро ушла. Людмила за ней. Наталья встала на ноги, смотрит на дядю, он - растерянно - на неё.)

П р о х о р. Даже... ноги трясутся! Иди, Натка, иди! Что там... такое?

Н а т а л ь я. Если помер, значит, судить некого?

П р о х о р. Ид-ди, говорю! (Остался один, пьёт холодный чай. Бормочет.) Вот так... чёрт! Ух...

Л и з а (вбегает, говорит испуганно, вполголоса). Прохор Борисыч, как же это? Он совсем здоровый был...

П р о х о р. Что - как же? Был и - нет! И может, это обморок?

Л и з а. Совсем здоровый... Прохор Борисыч... давеча, порошок-то...

П р о х о р (ошеломлённый). Что-о? Это ты... (В ярости схватил её за горло, трясёт.) Если ты, дикая рожа, не забудешь... если ты... ах ты, змея! Что выдумала, а? Как ты смеешь? (Оттолкнул её, оттирает пот с лысины.)

Л и з а. Вы же сами приказали всё говорить вам...

П р о х о р. Что говорить? Что видела, слышала, о том - говори! А что ты, видела? Ты - выдумала! Вы-ду-ма-ла, а не видела. Пошла вон, идиётка! Я те всыплю... порошок! Слово это забудь...

(Выгнал. Мечется по комнате, подходит к двери, и как будто не может шагнуть дальше. Входят Васса, Людмила, за ними Пятёркин.)

П р о х о р. Что, Вася, как? Действительно?

В а с с а. Да. Кончился.

Л ю д м и л а. Мама, я возьму лавр?

В а с с а. Да, бери.

(Пятёркин выкатывает кадку с лавром. Людмила взяла с подоконников цветы, уходит, тотчас возвращается.)

П р о х о р. Удивительно, как это он? Вполне... здоров был. Мы с ним до четырёх утра...

В а с с а. Коньяк пили.

П р о х о р. Верно. Мне сейчас вот Лизавета сказала - порошок ты ему...

В а с с а. На изжогу жаловался. Соды попросил.

П р о х о р (обрадовался). Сода? Ага!

Л ю д м и л а. Дядя Прохор, ты ужасный! Папа скончался, а ты улыбаешься... Что это?

П р о х о р. Ничего, Людок...

В а с с а (у телефона). Шесть - пятьдесят три. Да. Спасибо. Кто? Вы, Яков Львович? Пожалуйста к нам. Нет, сейчас, немедленно. Да, Сергей Петрович скончался. Нет, был вполне здоров. В одночасье. Никто не видел как... Пожалуйста.

П р о х о р (тихо, с восхищением). Богатырь ты, Васса, ей-богу!

В а с с а (изумлённо). Это что ещё, что ты плетёшь? Опомнись! Дурак...

Занавес

ВТОРОЙ АКТ

Через несколько месяцев. Та же весёлая комната. В а с с а - сидит в кожаном кресле. На тахте - Л ю д м и л а, Н а т а л ь я, А н н а, Евгений М е л ь н и к о в. Отпили чай, самовар и посуда ещё не убраны. Вечер, горит огонь, но в комнате мягкий сумрак. В саду луна, чёрные деревья.

В а с с а. Ну вот, рассказала я вам старинные свадебные обряды, рассказала, как в старину мужья с жёнами жили...

А н н а (тихо). Страшно жили.

Н а т а л ь я. И глупо очень.

Л ю д м и л а. А почему люди несчастны, Вася?

Е в г е н и й. По глупости и несчастны.

В а с с а. Почему несчастны - я не знаю, Людка. Вот Онегин с Натальей знают - по глупости. Но говорят - да я и сама видела - умные-то несчастней дураков.

Е в г е н и й. Если принять, что богатые умнее бедных...

В а с с а. Богатые, конечно, умнее, а живут дрянно и скудно. И никогда богатый не веселится так от души, как бедный.

А н н а. Это верно.

Н а т а л ь я. Значит, нужно жить в бедности.

В а с с а. Вот, вот. Именно - так. Ты попробуй, Натка, испытай. Выходи замуж за Онегина и поживи. Он будет подпоручиком в пехоте, ты - полковой дамой, есть такие. Приданого я тебе не дам, и жить будете вы на сорок целковых в месяц. На эти деньги: одеться, обуться, попить, поесть и гостей принять да покормить. Детей заведёте на эти же деньги, да...

Н а т а л ь я. Я детей родить не стану. Зачем несчастных увеличивать?

В а с с а. Это, конечно, умно. Зачем, в самом деле? Так вот, Онегин, впереди-то у тебя сорок целковых и денщик, каждый день будет котлеты жарить из дешёвого мяса с жилами.

Е в г е н и й (мрачно). Я, может быть, во флот перейду...

Л ю д м и л а. Я тоже не пойду замуж, страшно очень! Я лучше путешествовать буду, ботанические сады смотреть, оранжереи, альпийские луга...

Н а т а л ь я. Всё это переделать надо - браки, всю жизнь, всё!

В а с с а. Вот и займись, переделай. Гурий Кротких научит, с чего начать.

Н а т а л ь я. Я без него знаю - с революции!

В а с с а. Революция вспыхнула да и прогорела - один дым остался.

А н н а. Это вы - про Государственную думу?

В а с с а. Ну хоть про неё. Там головни-то шипят. Сырое дерево горит туго. А Гурий Кротких - научит. Он за двести целковых в месяц меня хозяйствовать учит, а тебя рублей за пятнадцать будет учить революцию делать. Полтина за урок. Пришёл ко мне служить - штаны были мятые, а недавно, в театре, гляжу - на жене его золотишко кое-какое блестит. Так-то, девицы! В матросы, значит, Онегин?

Е в г е н и й. Это не решено. И почему вы зовёте меня Онегиным?

В а с с а. Решай. Тебе пора юнкером быть, а ты всё ещё кадет. А Онегиным я тебя называю...

Н а т а л ь я. Он не похож на Онегина.

В а с с а. Разве? А такой же - надутый... Ну, ладно! Конечно, тебе, Ната, лучше знать, на кого он похож.

Н а т а л ь я. Ни на кого.

В а с с а. Из людей?

Е в г е н и й (обиженно). Я совершенно не понимаю, когда вы шутите, когда говорите серьёзно. Странная манера!

В а с с а. А ты не сердись, не обижайся, ты - понимай. Вот я тебе расскажу: когда у нас в затоне забастовка была и пришли солдаты, так слесарь Везломцев и сказал подпоручику: "Вы, говорит, ваше благородие, сорок целковых получаете, а я зарабатываю семьдесят пять, могу догнать и до ста. Так как вы, говорит, служите богатым, а я богаче вас, так кричать на меня, богатого, вам будто не следует".

Е в г е н и й. Не вижу в этом ничего... интересного.

Н а т а л ь я. Мать любит дразнить людей.

В а с с а. В этом грешна. Я людям - недруг.

Л ю д м и л а. Неверно это, Вася!

В а с с а. Нет, верно. Недруг. Ну, ладно! Поговорили, поб`аяли идите-ка, девушки, к себе, а я поработаю... по хозяйству. Ты, Анна, останься. Ну, пошли, пошли! За ужином увидимся. (Анне.) Ну что, верно вписался отец Евгения в "Союз русского народа"?

А н н а. Верно.

В а с с а. Это он, дурак, из-за сына. Женьку-то хотят выгнать из кадетского корпуса. Боюсь, испортит мне девку хлыщ этот.

А н н а. По-моему, Наташа от скуки занимается им.

В а с с а. Злым - скука не знакома.

А н н а. После смерти Сергея Петровича она очень мрачная стала. И, конечно, слухи эти...

В а с с а. А слухи живут?

А н н а. Да.

В а с с а. А ты слухам - веришь?

А н н а. Нет. Меня только самоубийство Лизы смутило. Не могу понять почему? Такая славная. Жила у вас с детства, все любили её.

В а с с а. Это Прохорово дело. Он её чем-то запугал.

А н н а. Она жила с ним?..

В а с с а. Заставил. А разве не верят, что Лизавета в бане угорела?

А н н а. Не многие верят.

(Поля входит.)

В а с с а. Чего тебе надо? Ну, чего мнёшься? Говори.

П о л я (негромко). Там женщина.

В а с с а. Какая? В эту пору?

П о л я. Трудное имя... Моисеевна.

В а с с а. Кто-о? (Быстро идёт, остановилась. Анне.) Не говори ничего девицам, я им сюрприз сделаю. Не пускай ко мне никого. (Поле.) Убери самовар, вскипяти маленький. (Ушла.)

А н н а. Ну как - привыкаешь?

П о л я. Трудно. Я думала, что мне только девицам служить, а у хозяйки своя будет горничная. Прохору Борисовичу - лакея надо, я за ним ухаживать не могу.

А н н а. Пристаёт?

П о л я. Такой бесстыдник - невозможный! Вот сейчас гуляет в одной нижней рубахе и поёт, поёт всё одно какое-то. Вчера все уже легли спать, а он гремит железом и поёт. Такая тоска от него. Что это он, Анна Васильевна?

А н н а. Ненормальный. Алкоголик, то есть пьяница.

П о л я. Я очень благодарная вам, дом хороший.

А н н а. А люди - плохие, хочешь сказать?

П о л я. Я людям не судья, сама - судимая, хошь и оправдали, а всё-таки в тюрьме сидела. К тому же рассказывают, что до меня горничная повесилась в бане.

А н н а. Это - ложь. Она угорела в бане. Готовила баню и угорела. Была она беременная.

П о л я. Вот видите, и - беременная!

Л ю д м и л а (в руках круглая скамейка, за нею Пятёркин несёт кадку с каким-то растением). Вот сюда, ему нужно много солнца. Неправильно поставил, передвинь на середину.

П я т ё р к и н. Слушаю. Так? (Он спрашивает, стоя на одном колене.)

Л ю д м и л а. Хорошо. Какие у тебя волосы ужасные. Жёсткие, должно быть?

Пятёркин. Даже нисколько, пощупайте.

Людмила (проводя рукой по его гриве). Точно у льва.

Пятёркин. Вот это верно. Это все говорят.

Людмила. Кто - все?

Пятёркин. Знакомые. И - вообще - люди.

Людмила. Что же ты на коленях стоишь?

Пятёркин. Приятно мне на коленях перед вами.

Людмила. Ну уж... сочиняешь! Я бы никогда на колени перед мужчиной не встала.

Пятёркин. Вам это не требуется, он сам пред вами встанет... Вы с мужчиной можете делать что угодно вашему любопытству.

Людмила. А я ничего не хочу. И не буду.

Пятёркин. В этом ваша воля.

Людмила. Подождите, я спрошу садовника, что взять отсюда... (Ушла.)

Анна (из своей комнаты). Не по своей силе, Пятёркин, дерево ломишь.

Пятёркин. А ты не ревнуй. Как знать? Всё может быть, всё надо пробовать.

Анна. Если Васса узнает о твоих разговорчиках...

Пятёркин. От кого узнает?

Анна. Вылетишь из дома в минуту.

Пятёркин. Ты - не скажешь, а Людмила тогда поймёт обстоятельство игры, когда уже поздно будет. Ты только не мешай. Мешать мне - у тебя расчёта нет. Ты свой барыш аккуратно получаешь, а меня, может, завтра выгонят. Ну, тогда и твои дела пошатнутся...

Анна. Мне - что? Однако видеть тебя в числе хозяев - как будто и обидно...

Людмила (возвратилась). Иди, Пятёркин, больше ничего не надо.

Пятёркин. Желаю вам счастья на сей день и до конца века.

Людмила. Услужливый какой.

Анна. Да.

Людмила. А - пляшет как! Удивительно!

Анна. Всё-таки ты, Люда, осторожнее с ним.

Людмила. А что он мне сделает?

Анна. Ребёнка может сделать.

Людмила. Фу, какая гадость!

Анна. Ребёнок-то?

Людмила. Ты, ты гадость говоришь! (Уходит.)

А н н а (вслед ей). Так я - о ребёнке!

В а с с а (широким движением руки изгоняет Анну и Полю. Рашель - под тридцать лет, одета изящно, но просто, строго, эффектно красивая). Ну-ка, ну, Рашель, садись, рассказывай, как это ты явилась, откуда?

Р а ш е л ь. Из-за границы.

В а с с а. Ну да, понятно. Пустили?

Р а ш е л ь. Нет, я приехала в качестве компаньонки с музыкантшей.

В а с с а. С чужим паспортом - значит? Смелая ты. Молодчина. И - ещё красивее стала. С такой красотой, да... Ну - ладно! Как - Фёдор? Правду скажи.

Р а ш е л ь. Скрывать правду - не моё дело. Федя, Васса Борисовна, безнадёжен. Угасает. Доктора говорят - месяца два, три осталось ему жить.

В а с с а. Сгорел, значит, сын капитана Железнова.

Р а ш е л ь. Да. Худой, почти прозрачный. Понимает, что приговорён. Но всё такой же весёлый, остроумный. А как мой Коля?

В а с с а. Сгорел Фёдор Железнов. Наследник мой. Голова всего хозяйства.

Р а ш е л ь. Коля - спит?

В а с с а. Коля-то? Не знаю. Наверно - спит.

Р а ш е л ь. Можно взглянуть на него?

В а с с а. Нельзя.

Р а ш е л ь. Почему?

В а с с а. Его нет здесь.

Р а ш е л ь. Позвольте! Вы... что это значит?

В а с с а. Ничего плохого не значит. Коля в деревне живёт, в сосновой роще. Песок там. Там - хорошо. В городе ему вредно жить, у него гланды. Родители плохим здоровьем наградили его.

Р а ш е л ь. Далеко это?

В а с с а. Вёрст шестьдесят.

Р а ш е л ь. Как же мне туда съездить?

В а с с а. А тебе не надо ездить туда. Ну-ка, Рашель, давай сразу и ясно - поговорим!

Р а ш е л ь. Умер?

В а с с а. Тогда и говорить не о чем, одним словом всё сказано. Нет жив, здоров и хороший, детёныш умный. Он тебе зачем нужен?

Р а ш е л ь. Я решила его отправить за границу. Там сестра моя замужем за профессором химии, детей у них нет.

В а с с а. Так я и думала: Рашель, наверно, ребёнка потащит в свой круг. Нет, не дам я тебе Кольку-то! Не дам!

Р а ш е л ь. Как это? Я - мать!

В а с с а. А я - бабушка! Свекровь тебе. Знаешь, что такое свекровь? Это - всех кровь! Родоначальница. Дети мне - руки мои, внучата - пальцы мои. Поняла?

Р а ш е л ь. Позвольте... Я не понимаю вас. Это вы серьёзно? Это... допотопное что-то... Вы же - умная, вы не можете так думать.

В а с с а. Чтобы не говорить лишних слов, - ты молчи и слушай. Колю я тебе не дам.

Р а ш е л ь. Этого не может быть!

В а с с а. Не дам. Думай, что ты можешь сделать против меня? Ничего не можешь. Для закона ты - человек несуществующий. Закон знает тебя как революционерку, как беглую. Объявишь себя? Посадят в тюрьму.

Р а ш е л ь. Неужели вы воспользуетесь моим положением? Не верю! Вы не сделаете этого. Вы отдадите мне сына.

В а с с а. Пустяки говоришь. Всё это лишнее - твои слова. Я сделаю, как решила.

Р а ш е л ь. Нет!..

В а с с а. Не ори! Спокойно. Колю я тебе не дам. Ему другая судьба назначена.

Р а ш е л ь. Да - что вы - зверь?

В а с с а. Я говорю - не ори! К чему это - крик? Я - не зверь. Зверь выкормит детёныша, и - беги, сам добывай хлеб себе, как хошь. Хочешь куриц ешь, хочешь - телят. Конечно, речь идёт не о зайцах, а о серьёзном зверье. А ты вот своего детёныша на свободную добычу не пускаешь. И я внука своего не пущу. Внук мой - наследник пароходства Храповых и Железнова. Единственный наследник миллионного дела. Тётки его - Наталья и Людмила выделены будут в малых частях, тысяч по пятьдесят, им и того - много. Всё остальное ему.

Р а ш е л ь. Вы ошибаетесь, если думаете этим подкупить или же утешить меня, - ошибаетесь. Это - невозможно!

В а с с а. Зачем тебя подкупать, зачем утешать? Ты, Рашель, знаешь - я тебя врагом не считала, даже когда видела, что ты сына отводишь от меня. На что он мне годен, больной? Я с ним неласкова была и видела - ты его любишь. И я тебе сказала тогда - люби, ничего! Немножко радости и больному надобно. Я даже благодарна была тебе за Фёдора.

Р а ш е л ь (вспыхнула). Всё это - ложь! Это... отвратительно. Я поверить не могу... Это... зверство!

В а с с а. Не веришь, а ругаешься. Ничего, ругай. Ругаешься ты потому, что не понимаешь. Ты подумай, что ты можешь дать сыну? Я тебя знаю, ты

упрямая. Ты от своей... мечты-затеи не отступишься. Тебе революцию снова раздувать надо. Мне - надо хозяйство укреплять. Тебя будут гонять по тюрьмам, по ссылкам. А мальчик будет жить у чужих людей, в чужой стороне сиротой. Рашель, помирись - не дам тебе сына, не дам!

Р а ш е л ь (спокойней, презрительно). Да, в конце концов вы можете это сделать, я понимаю. Вы даже можете выдать меня жандармам.

В а с с а. И это могу. Всё могу! Играть - так играть!

Р а ш е л ь. Чем можно тронуть дикий ваш разум? Звериное сердце?

В а с с а. Опять звериное. А я тебе скажу: люди-то хуже зверей! Ху-же! Я это знаю! Люди такие живут, что против их - неистовства хочется... Дома ихние разрушать, жечь всё, догола раздеть всех, голодом морить, вымораживать, как тараканов... Вот как!

Р а ш е л ь. Чёрт вас возьми... Ведь вот есть же у вас, в этой ненависти вашей, что-то ценное...

В а с с а. Ты, Рашель, умная, и, может быть, я неоднократно жалела, что ты не дочь мне. Кажись, даже говорила это тебе! Я ведь всё говорю, что думаю.

Р а ш е л ь (глядя на часы). Ночевать у вас можно, что ли?

В а с с а. Ну а как же? Ночуй. Не выдам жандармам-то. Девчонки будут рады видеть тебя. Очень рады будут. Они тебя любят. А Колю я тебе не дам! Так и знай.

Р а ш е л ь. Ну, это... увидим!

В а с с а. Выкрасть попробуешь? Пустяки...

Р а ш е л ь. Нет, я больше не буду говорить об этом. Устала, изнервничалась, да ещё вы ошарашили. Страшная вы фигура! Слушая вас, начинаешь думать, что действительно есть преступный тип человека.

В а с с а. Всё есть! Хуже ничего не придумаешь, всё уж придумано.

Р а ш е л ь. Но не много жизни осталось для таких, как вы, для всего вашего класса - хозяев. Растёт другой хозяин, грозная сила растёт, - она вас раздавит. Раздавит!

В а с с а. Вон как страшно! Эх, Рашель, кабы я в это поверила, я бы сказала тебе: на, бери всё моё богатство и всю хитрость мою - бери!

Р а ш е л ь. Ну, это вы... врёте!

В а с с а. Да - не верю я тебе, пророчица, не могу поверить. Не будет по-твоему, нет!

Р а ш е л ь. А вы жалеете, что не будет? Да?

В а с с а. А вдруг - жалею? А? Эх ты... Когда муженёк мой все пароходы, пристани, дома, всё хозяйство - в одну ночь проиграл в карты, - я обрадовалась! Да, верь не верь, - обрадовалась. Он, поставив на карту

последний перстень, - воротил весь проигрыш, да ещё с лишком... А потом, ты знаешь, начал он безобразно кутить, и вот я полтора десятка лет везу этот воз, огромное хозяйство наше, детей ради, - везу. Какую силу истратила я! А дети... вся моя надежда, и оправдание моё - внук.

Р а ш е л ь. Сообразите: насколько приятно мне слышать, что мой сын предназначен для оправдания ваших тёмных делишек... в жертву грязного дела...

В а с с а. Неприятно? Ничего, я от тебя тоже кое-что кисленькое слышала. Давай-ка чай пить. При девицах - сохраним вежливость, - так, что ли?

Р а ш е л ь. Не надо им говорить, что я приехала нелегально. И спор наш - не следует знать им. Они ведь ничего не решают.

В а с с а. Понятно - не надо!

(Поля в двери.)

В а с с а. Зови девиц. Кадета - скажи им - не надо. Тихо скажи, чтоб он не слышал. Самовар подашь. Иди. Вот как встретились мы, Рашель!

Р а ш е л ь. Неприятная встреча.

В а с с а. Что делать? Приятно - только дети живут, да и то недолго.

Р а ш е л ь. Мне всё-таки кажется невероятным всё это.

В а с с а (толкает ногой стул). Ну, как это невероятно?

Л ю д м и л а (вбегает, за ней идёт Наталья). Ой, кто, что? Рашель... Рашель!

Н а т а л ь я. Не телеграфировала - почему?

В а с с а. Натка спрашивать любит. Ей скажут: "Здравствуй", а она спрашивает: "Почему?"

Р а ш е л ь. Ты, Люда, не изменилась, всё такая же милая, даже как будто и не выросла за эти два года.

Л ю д м и л а. Это - плохо?

Р а ш е л ь. Конечно - нет! А вот Ната...

Н а т а л ь я. Постарела.

Р а ш е л ь. О девушке не скажешь - возмужала, но именно такое впечатление.

Н а т а л ь я. Говорят - созрела.

Р а ш е л ь. Это иное!

(Девицы обрадованы встречей, Рашель говорит устало, почти не отводя взгляда от Вассы. Сёстры усаживают её на тахту. Васса спокойна, сидя у стола, готовит чай.)

Л ю д м и л а. Садись, рассказывай.

Н а т а л ь я. Как Фёдор? Выздоровливает?

Р а ш е л ь. Нет, Фёдор - плох.

Н а т а л ь я. Зачем же ты уехала от него?

Р а ш е л ь. За сыном, за Колей.

В а с с а. А я его не даю за границу.

Л ю д м и л а. Раша, милая, какой он стал прелестный, Коля! Умный, смелый... Он в лесу живёт, в Хомутове. Замечательное село. Там такой сосновый лес.

Н а т а л ь я. Разве его перевезли из Богодухова?

Л ю д м и л а. Богодухово - тоже замечательное! Там - липовая роща, пасеки...

Р а ш е л ь. Оказывается, вы и не знаете - где он?

В а с с а. Идите к столу-то.

Р а ш е л ь. Расскажи, как ты живёшь?

Л ю д м и л а. Я - удивительно хорошо. Вот видишь - весна, мы с Васей начали работать в саду. Рано утром она приходит: "Вставай!" Выпьем чаю и в сад. Ах, Раша, какой он стал, сад!

(Анна вошла, молча здоровается с Рашелью, говорит что-то Васе. Обе вышли.)

Л ю д м и л а. Войдёшь в него, когда он росой окроплён и весь горит на солнце... как риза, как парчовый, - даже сердце замирает, до того красиво! В третьем году цветочных семян выписали почти на сто рублей, - ни у кого в городе таких цветов нет, какие у нас. У меня есть книги о садоводстве, немецкому языку учусь. Вот и работаем, молча, как монахини, как немые. Ничего не говорим, а знаем, что думаем. Я - пою что-нибудь. Перестану, Вася кричит: "Пой!" И вижу где-нибудь далеко - лицо её доброе, ласковое...

Р а ш е л ь. Значит, счастливо живёшь, да?

Л ю д м и л а. Да! Мне даже стыдно. Удивительно хорошо!

Р а ш е л ь. А ты, Ната?

Н а т а л ь я. Я! Я тоже удивляюсь.

П р о х о р (выпивши, с гитарой). Б-ба! Р-рахиль!.. (Поёт.) "Откуда ты, прелестное дитя?" Ой, как похорошела!

Р а ш е л ь. А вы - всё такой же...

П р о х о р. Ни лучше, ни хуже. Остаюсь при своих козырях.

Р а ш е л ь. Веселитесь?

П р о х о р. Именно. Ремесло моё. Главное качество - простодушная весёлость. Это у меня от природы естества моего. Капитан Железнов - помер, так я для славы семейства и хозяйства - за двоих теперь гуляю.

Р а ш е л ь. Он - давно хворал?

П р о х о р. Это - верно, давно пора.

(Людмила смеётся.)

Р а ш е л ь. Я неправильно спросила - долго хворал?

П р о х о р. Капитан? Он - не хворал. Он - в одночасье - пафф! И - "со святыми упоко-о-ой".

Н а т а л ь я. Дядя, перестаньте! Это - безобразие!

П р о х о р. Со святыми - безобразие? Ты, девка, не учи меня, молода учить! Откуда же ты явилась, разрушительница жизни? Из Швейцарии? Фёдор-то жив?

Р а ш е л ь. Жив.

П р о х о р. Плох?

Р а ш е л ь. Да, плох.

П р о х о р. Нестойко потомство Железнова, мы, Храповы, покрепче будем! Впрочем, сын твой, Колька, хорош, разбойник! Приметливый. Как-то мы с Железновым поругались за обедом. На другой день я здороваюсь: "Здравствуй, Коля!" А он: "Пошёл прочь, пьяная рожа!" Убил, А утро было, и я ещё трезвый... Что же вы тут делаете? Чай пьёте? Чай только извозчики пьют, серьёзные люди утоляют жажду вином... Сейчас оно явится. Портвейн, такой портвейн, что испанцы его не нюхали. Вот Наталья знает... (Идёт. Васса навстречу.)

В а с с а. Что там в клубе случилось?

П р о х о р. В клубе? А ты откуда знаешь?

В а с с а. По телефону.

П р о х о р. В клубе - драка на политической почве. Очень просто.

В а с с а. Снова о тебе в газете напишут?

П р о х о р. Почему - обо мне? Я один раз ударил. Он - на Думу лаял, ну, а я его - по морде.

В а с с а. Послушай, Прохор...

П р о х о р. Сейчас приду. И буду слушать, как (поёт): "Не искушай-ай меня без нужды-ы..."

Л ю д м и л а. Какой смешной, правда? Он всё больше пить стал. И Наташу учит...

Н а т а л ь я. Уже научил.

Р а ш е л ь. Это - серьёзно, Ната?

Н а т а л ь я. Да. Мне очень нравится вино. И опьянение нравится.

В а с с а. Ты прибавь: а бить меня - некому!

Н а т а л ь я. А бить меня - некому.

В а с с а. Наталья! Не балуй.

Н а т а л ь я. Вы велели прибавить, я прибавила.

В а с с а. Счастье твоё, что у меня времени не хватает чёрта выгнать из

тебя!

Л ю д м и л а. Ната - очень дерзкая с мамой, видишь, Раша. По-моему, это плохо.

В а с с а. Замахиваешься по-благородному жить... Интеллигентно. А сама - свинья!

Н а т а л ь я. Свиньи хороших пород очень ценятся.

В а с с а (гневно). Вот так и живём, Рашель.

Р а ш е л ь. Плохо живёте, но лучшего и не достойны. Эта обесмысленная жизнь вполне заслужена вами.

В а с с а. Мной? Врёшь!

Р а ш е л ь. Не только вами лично, сословием вашим, классом.

В а с с а. Ну вот, поехала!

Р а ш е л ь. Там, за границей, также скверно живут. Может быть, даже и сквернее, потому что спокойнее и меньше мучают друг друга, чем вы.

Н а т а л ь я. Это верно? Или - для утешенья?

Р а ш е л ь. Верно, Наташа. Я не из тех, которые утешают. Мир богатых людей разваливается, хотя там они - крепче организованы, чем у нас. Разваливается всё, начиная с семьи, а семья там была железной клеткой. У нас - деревянная.

В а с с а. Рашель!

Р а ш е л ь. Да?

В а с с а. Живи с нами. Фёдор умрёт, сама говоришь. Довольно тебе болтаться... странничать, прятаться! Живи с нами. Сына будешь воспитывать. Вот - девочки мои. Они тебя любят. Ты - сына любишь.

Р а ш е л ь. Есть нечто неизмеримо более высокое, чем наши личные связи и привязанности.

В а с с а. Знаю. Дело есть, хозяйство. Но... вот что выходит: и взять можно, и положить есть куда, а - иной раз - не хочется брать.

Р а ш е л ь. Это вы... не от себя говорите.

В а с с а. Как это - не от себя?

Р а ш е л ь. Может быть, иногда, вы чувствуете усталость от хозяйства, но чувствовать бессмысленность, жестокость его вы - не можете, нет. Я вас знаю. Вы всё-таки рабыня. Умная, сильная - а рабыня. Червь, плесень, ржавчина портят вещи, вещи - портят вас.

В а с с а. Премудро. Но едва ли верно! Я тебе скажу, чего я хотела, вот при дочерях скажу. Хотела, чтоб губернатор за мной урыльники (сосуд для мочи, ночной горшок - Ред.) выносил, чтобы поп служил молебны не угодникам святым, а вот мне, чёрной грешнице, злой моей душе.

Р а ш е л ь. Это - от Достоевского и не идёт вам.

Н а т а л ь я. Мать Достоевского не знает, она книг не читает.

В а с с а. От какого там Достоевского? От обиды это. От незаслуженной обиды... Вот - девчонки знают, я сегодня рассказывала им, как меня...

П р о х о р (две бутылки вина в руках). Вот оно! Ну-те-ка, давайте, отнесёмся серьёзно. Вася, разреши угостить? Не пожалеешь. Редкая вещь...

В а с с а. Давай! Давай! Девчонки, садитесь к столу... Что, в самом деле? Сноха... явилась! Давай, Прохор. Кого ты избил?

П р о х о р. Квартиранта Мельникова по роже. Ещё кого-то... Ерунда! Заживёт!

В а с с а. А знаешь - Мельников-то в "Союз русского народа" вписался.

П р о х о р. Ну, так что? Важность какая! Я вот в телефонной книге вписан, а - не горжусь. Рюмки!

(Звонок телефона.)

В а с с а. Это меня. (У телефона.) Кто это? Да, я. Какой пароход? Почему? Идиоты! Кто это грузил? В Уфе? Терентьев? Рассчитать болвана! Моё присутствие - зачем? Арестовали всю баржу? А ещё что? Кроме кожи... О, дьяволы! Санитарная комиссия - там? Инспектор - тоже? Сейчас приеду. (Бросила трубку.) Ну, вы тут... подождите, смирно. У меня - скандал: арестовали баржу, идиот приказчик погрузил кожу без санитарного осмотра, без клейм. А на барже - ещё овчины, лыко, мочало. Поеду. (Ушла, взглянув на Рашель, поймав её взгляд.)

П р о х о р. Поехала речной полиции взятку давать. У нас речная полиция - разбойники. И сухопутная - тоже. Однако к чёрту всё это. Наливаю. Наталочка, - это будет лучше твоего любимого. (Поёт на "шестый глас".)

Наливай, брат, наливай,
Всё до капли вы-пи-вай...

Занавес

ТРЕТИЙ АКТ

Тотчас после ухода Железновой. П р о х о р курит сигару. Л ю д м и л а увлечённо ест бисквиты, макая их в блюдец с вареньем. Н а т а л ь я - рядом с Р а ш е л ь ю, в руке - рюмка. Рашель - задумчива.

П р о х о р. Вот так и живём, Рашель, - беспокойно живём. Полиция обижает. (Хохочет.)

Р а ш е л ь. Вы - уже городской голова?

П р о х о р. В мечтах побывал на этом пункте, а потом сообразил - на кой чёрт мне нужна обуза сия? Поживу лучше вольным казаком...

Н а т а л ь я. Неверно это! Казак вы - не вольный. И от выборов

отказались из трусости.

П р о х о р. Ужас, до чего Наталья любит обижать меня. И вообще всех... Молодая, а уже - ведьма. Очень похожа... Мм-да! Однако она верно сказала - я человек осмотнительный. После смерти капитана...

Н а т а л ь я. После смерти отца пошли слухи, что он отравился... Даже что мы отравили его, чтобы не позориться на суде.

Л ю д м и л а. Глупости какие!

П р о х о р (беспокойно). Вот именно - глупости! И дело-то это паскудное прекращено было прокурором...

Н а т а л ь я. За недоказанностью обвинения... А дядя испугался слухов, подумал - не выберут его в головы.

П р о х о р. Довольно, Натка!

Н а т а л ь я. А следовало идти против слухов, против людей...

П р о х о р. Она - всегда вот так, - против!

Р а ш е л ь (глядя руку Наталье). Так и надо!

Н а т а л ь я. Рашель, если обвинение не доказано, это ведь ещё не значит, что обвиняемый не виноват?

Р а ш е л ь. Да, не значит.

Л ю д м и л а. Разве так - против всех надо, Рашель? Разве нельзя жить...

Н а т а л ь я. Дурой, как Людмила Железнова.

Л ю д м и л а. Напрасно ругаешь, ведь я не рассержусь! Ой, Рашель, я как не люблю всё это... злость и всякое такое...

Н а т а л ь я. Она бисквиты с вареньем любит!

Л ю д м и л а. А тебе завидно, что люблю? Ты злишься потому, что у тебя аппетита нет. Ела бы побольше, так не сердилась бы!

П р о х о р (поет). "Я не сержусь, хоть больно ноет грудь". Кроме бисквитов и всяких сладостей, Людмила обожает что-нибудь военное и чтобы с перьями, как у индейцев.

Л ю д м и л а. И вовсе это неправда.

П р о х о р. Вот что, - давайте-ка пошлём к чёртовой матери всё это: семейность, прошлое и - всё вообще. Сочиним маленький кавардак, покуда хозяйки нет! Я тебе, Рахиль, плясуна покажу, эх ты! Ахнешь! Ну-ка, Люда, зови Пятёркина...

Л ю д м и л а. Вот это хорошо!

П р о х о р. С гитарой! (К Рашели.) Когда к сыну поедешь?

Р а ш е л ь. Он далеко?

П р о х о р. Двадцать три версты, двадцать пять. Утешный человечек. Здоровьишко слабое, а - хорош!

Р а ш е л ь. Бабушка не хочет отдавать его мне.

П р о х о р. Это она - правильно! Тебе сын - ни к чему, при твоей беглой жизни.

Р а ш е л ь. А ты как думаешь, Ната?

Н а т а л ь я. Требуй, чтоб отдала. Не будет отдавать - выкради!

П р о х о р. Ого!

Н а т а л ь я. Да, да - выкради, увези, спрячь. Ты - видишь, какие мы все! Ты же видишь...

Р а ш е л ь. Выкрасть... Увезти. Это я не могу сделать.

Н а т а л ь я. Почему?

Р а ш е л ь. У меня есть другое дело, более серьёзное.

Н а т а л ь я. Серьёзное сына? Да? Зачем же ты родила, если у тебя есть дело серьёзнее? Зачем?

Р а ш е л ь. Да, это моя ошибка!

Н а т а л ь я. А - какое дело? То, о котором ты говорила... два года тому назад. Я - помню... Очень помню.

Р а ш е л ь. Но - не веришь?

Н а т а л ь я. Не верю.

Р а ш е л ь. Это потому, что не понимаешь. А для меня - нет жизни вне этого дела. И пусть я потеряю... никогда не увижу Колю...

П р о х о р. Постой! Выкрасть - это дело! Это, Раха, замечательно! Ух, сестре - вилка в бок! Рашель, действуй! Мы с Наткой поможем тебе, честное слово. У меня есть Пятёркин - он всё может!

Р а ш е л ь. Перестаньте!

П р о х о р. Алёшка Пятёркин? Да он - архиерея украдёт, не то что мальчика!

Р а ш е л ь. Играть моим сыном...

П р о х о р. Вот он, Пятёркин, храбрый воин - в обозе служил! Лёшка, "птичку божью" делаем! Для заграницы, для Европы - понял? Чтобы безупречно!

(Прохор берёт из рук Пятёркина гитару, пробует строй. Людмила принесла бубен и балалайку, бубен дала сестре.)

П р о х о р. Девицы, с тихой грустью! Особенно - бубен! Он гудит, а не бухает...

Л ю д м и л а. Знаем.

П р о х о р. Начали. (Запевает, как всегда, на "шестый глас", Людмила, Пятёркин - вторят.)

Птичка божия не знает

Ни заботы, ни труда.

Птичка жить нам не мешает
Никак и никогда!
Долгу ночь на ветке дремлет
Солнце красное взойдёт
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенётся и поёт:
- Барыня, барыня!
Сударыня барыня!
Ты скажи нам, барыня,
Чего тебе надобно?
Лёшка! Дёргай! Делай! Зверски делай! Дико! И - эх ты-и!
Шла барыня из Ростова
Поглядеть на Льва Толстого,
А барыня из Орла
Неизвестно куда шла!
Барыня...

(Пятёркин пляшет "Барыню" отлично и смешно. Людмила поёт увлечённо. Прохор - в восторге. Наталья механически бьёт в бубен и смотрит на Рашель. Рашель сидит, как во сне.)

У барыни есть дела,
За границу ездила.
В славном городе Париже
Ей француз попался рыжий.
Барыня...

Н а т а л ь я. Довольно!
П р о х о р. Почему?
Н а т а л ь я. Не хочу.
Л ю д м и л а. Фу, какая капризная!

(Рашель встала, отошла прочь; Наталья не спеша - за ней; остановились у окна.)

Н а т а л ь я. Ну что?
Р а ш е л ь. Ужасно.
Н а т а л ь я. Я бы убила сына, но не оставила здесь.

Р а ш е л ь (обняла её за плечи). Не могу я увезти его... за границу без помощи Вассы Борисовны.

Н а т а л ь я. Дядя устроит. Он рад чем-нибудь ударить мать. Выкрадет - спрячем. Потом переправим к тебе.

Р а ш е л ь. Куда? Я не знаю, где буду жить. Если удастся вернуться в Швейцарию - проживу там несколько недель... Мне нужно жить в России.

У меня нет возможности воспитывать Колю. А там, в Лозанне, у сестры - хорошо было бы...

Прохор (остановил Пятёркина, кричит). Не понравилось?

Рашель. Нет.

Прохор. Не чувствуешь искусства!

Рашель. И поёте вы нестерпимо...

Прохор. Виноват. По линии выпивки, а также игры в преферанс почти непобедим, но к пению - не приспособлен природой. Душа - мягкая, а горло - сухое, хрустит. Пятёркин - ступай вон, бездарная личность, не понравились мы! Рашель, идём ко мне, я тебе коллекцию замков покажу.

Рашель. Я видела её.

Прохор. Когда? Ты теперь посмотри! У меня тридцать семь амбарных, четыре крепостных, сорок два сундучных с музыкой. Этого ты нигде не увидишь. И - кроме того, идём! Два слова скажу... Важных. (Берёт её под руку, уводит, она следует за ним неохотно.)

Наталья (посмотрев на сестру). Ты что?

Людмила. Ничего. Спать хочется.

Наталья. Иди.

Людмила. Скучно. Плакать хочется.

Наталья. Иди, ляг, поплачь и усни.

Людмила. Так всегда бывает. Дождусь Васи, я не люблю, когда её дома нет.

Наталья. Ты всё чаще её называешь Васей.

Людмила. Потому что люблю, а ты не любишь.

Наталья. А я - не люблю.

Людмила. Она это знает.

Наталья. Да, ещё бы не знать.

Людмила. А ты на неё похожа, похожа!

Наталья. За то мы и не любим друг друга.

Людмила. Она тебя любит.

Наталья. Мучить любит.

Людмила. Ты сама её мучаешь.

Наталья. Ну и я.

Людмила. Какая ты... глупая! И дядя тоже глупый - советует украсть Колю.

Наталья. Ты об этом не говори матери.

Людмила. Конечно - скажу.

Наталья. Зачем?

Людмила. Нет, не буду расстраивать, не скажу.

Н а т а л ь я (вздыхнув). Блаженная ты у нас... Выродок. Ни на кого не похожа.

В а с с а (входит). Что это - ругаетесь?

Л ю д м и л а. Нет, просто разговариваем.

В а с с а. Крупно разговариваете. Прохор сигару курил - сколько раз просила не курить сигар у меня. Наталья, кажется, слишком выпила.

Н а т а л ь я. Ещё держусь на ногах.

В а с с а (наливая портвейн). Чай холодный? Налейте мне.

(Наталья наливает.)

В а с с а. Семьсот рублей, как в печку бросила. Везде - взяточники. Продажные души. Что вы тут делали?

Н а т а л ь я. Чай пили.

Л ю д м и л а. Пятёркин плясал. Дядя уговаривал Рашель украсть Колю.

В а с с а. Ишь, какой забавник! А - она что?

Л ю д м и л а. Не согласилась. Она стала скучная. Хуже стала, чем была. Неприятная. Умные - все неприятные.

В а с с а. Так. А я, по-твоему, - дура?

Л ю д м и л а. Ты - не дура, не умная, а просто человеческая женщина.

В а с с а. Уже и не знаю, что это значит? Хуже дуры? Ну, пусть будет так - человеческая женщина. Отнеси самовар, скажи, чтобы подогрели. Наталья - хочешь за границу съездить?

Н а т а л ь я. Да, хочу. Вы это знаете.

В а с с а. Можешь. Возьмёшь Анну.

Н а т а л ь я. С Анной - не поеду.

В а с с а. Почему?

Н а т а л ь я. Она мне и здесь надоела.

В а с с а. Одну - не пущу. Эх, девка...

Н а т а л ь я. Да.

В а с с а. Нет у меня времени поговорить с тобой.

Н а т а л ь я. А Кольку воспитывать - найдёте время?

В а с с а. Ему - мало надо.

Н а т а л ь я. Нет, больше, чем мне.

В а с с а. Поезжай с Анной, Фёдора увидишь.

Н а т а л ь я. Это меня не соблазняет.

В а с с а (орёт). Дьявол! Молчать!

Н а т а л ь я. Хорошо... Молчу.

Р а ш е л ь (входит). Что это вы?..

В а с с а. Да, да - зря крикнула. Зря. Разволновали меня, даже сердце

колет... Ну что, Рашель? Прохор предлагал украсть Колю?

Р а ш е л ь. Он выпивши.

В а с с а. Он и трезвый - может... Вы, девицы, шли бы спать, поздновато, а?

Л ю д м и л а. А - ужинать?

В а с с а. Про ужин я забыла. Пить хочу. Пить, горячего чаю. Ну, идите, пусть накрывают на стол. Что, Рашель, как?

Р а ш е л ь. Слушайте-ка, Васса Борисовна, отдайте сына, я его отправлю за границу...

В а с с а. Снова, значит, спорить хочешь? Нет, не отдам!

Р а ш е л ь. Я совершенно не могу себе представить, что вы будете делать с ним? Как воспитывать?

В а с с а. Не беспокойся, сумеем. Мы люди осёдлые. У нас деньги есть. Наймём самых лучших учительниц, профессоров... Выучим.

Р а ш е л ь. Выучите не тому, что должен знать честный человек. Жить Коля будет в этом доме с балалайками, с гитарами, с жирной пищей, полупьяным Прохором Храповым, с двумя девицами: одна - полудитя, другая слишком озлоблена. Васса Борисовна, я неплохо знаю ваш класс и здесь, в России, и за границей, - это безнадёжно больной класс! Живёте вы автоматически, в плену хозяйств, подчиняясь силе вещей, не вами созданных. Живёте, презирая, ненавидя друг друга и не ставя перед собой вопроса зачем живёте, кому вы нужны?.. Даже лучшие, наиболее умные люди ваши живут только из отвращения к смерти, из страха перед ней.

В а с с а. Всё пропела? Ну - отдохни, послушай меня. Чего не понимаю я в тебе - так это вот чего: как это выходит, что смелый твой умишко и слеп и хром, когда ты о жизни говоришь? Класс, класс... Милая, Гурий Кротких управляющий пароходством моим - насчёт класса лучше твоего понимает: революции тогда законны, когда они этому дурацкому классу полезны. А ты о какой-то незаконной революции толкуешь... о надземной какой-то. У Кротких - дело ясно: социалисты должны соединить рабочих для интереса промышленности, торговли. Вот как он предлагает, и это - правильно! Он не дурак... в этом, а вообще в делах ещё глуп.

Р а ш е л ь. Его фамилия - Кротких? Ну вот, сообразно его фамилии он и проповедует воспитание пролетариев кроткими. Он - не один такой. Такие весьма часто встречаются. И, как верным рабам вашим, вы позволяете им подниматься довольно высоко...

В а с с а. Ты пойми - мне, Вассе Храповой, дела нет до класса этого. Издыхает, говоришь? Меня это не касается, я - здорова. Моё дело - в моих руках. И никто мне помешать не может, и застращать меня ничем нельзя.

На мой век всего хватит, и внуку очень много я накоплю. Вот и весь мой разговор, вся премудрость. А Колю я тебе не отдам. Давай - кончим! Ужинать пора. Устала я.

Р а ш е л ь. Не буду я ужинать. Противен мне хлеб ваш... Где я могу отдохнуть?

В а с с а. Иди. Наталья укажет. (Поднимается со стула с трудом. Снова села, зовёт.) Анна! (Ответа нет.) Хлеб мой противен ей... Кто посмел бы сказать мне этак? Ух... язва! (Звонит.)

П о л я. Вы звонили?

В а с с а. Чёрт из-под печи. Где Анна?

П о л я. У барышень.

В а с с а. Позови. (Сидит, прислушиваясь к чему-то, щупает шею, покашливает. Анна.) Что тут было без меня?

А н н а. Прохор Борисович предложил выкрасть Колю.

В а с с а. Сам предложил?

А н н а. Да. Сначала сказал: "Правильно - тебе сын ни к чему", а потом вдруг обрадовался: "Это, говорит, сестре вилка в бок".

В а с с а. А как Наталья?

А н н а. Это она предложила выкрасть...

В а с с а. Путаешь! Врёшь!

А н н а. Я - не путаю, так было: когда Рашель Моисеевна сказала, что вы Колю оставляете за собой, Прохор Борисович сказал: "Правильно", а когда Наташа предложила: "Выкради", так и он тоже...

В а с с а. Так. Ему - только бы укусить меня. Хоть за пятку, да укусить.

А н н а. "У меня, говорит, Пятёркин не то что ребёнка - архиерея украсть может".

В а с с а. Вредная собака - Пятёркин этот...

А н н а. Совершенно гнусный раб! Ни чести, ни совести. И - такой дерзкий, такой жёсткий...

В а с с а. Смягчим.

А н н а. Нездоровится вам?

В а с с а. А - что?

А н н а. Лицо такое.

В а с с а. Дочери - ничего не заметили в лице. Ладно. За границу поедешь, Анна.

А н н а (изумлённо). Я?

В а с с а. Ты. С Натальей. А может, и одна.

А н н а. Господи, как я рада! Даже и благодарить вас... нет слов!

В а с с а. И не надо. Ты - заслужила. Ты никогда не врешь мне?

А н н а. Никогда.

В а с с а. Ну то-то... Фёдору письмо отвезёшь. Наталье письмо - не показывай. Тотчас напишешь мне - как Фёдор. Врачей спроси. Немецкий язык помнишь?

А н н а. Да, да, помню.

В а с с а. Ну вот... Если Фёдор плох - дождёшься конца. Впрочем, после поговорим об этом, обо всём. А теперь - вот что: пойдёшь в жандармское управление, спросишь полковника Попова. Обязательно его найди! Чтобы вызвали. Скажи - срочное и важное дело.

А н н а. Васса Борисовна...

В а с с а. Ты - слушай! Скажешь ему, что ко мне приехала из-за границы Рахиль Топаз, эмигрантка. Он знает - кто это. Он её арестовывал. И что если нужно снова арестовать её, так пусть арестуют на улице, а в мой дом - не приходят. Поняла?

А н н а. Да, только... как же?

В а с с а. Ты - слушай, слушай! Если придут в дом, так будет ясно, что выдала её ты. Или - я. И не хочу я, чтоб снова по городу слухи дурацкие пошли. Ну, поняла?

А н н а. Я - не могу...

В а с с а (удивлена). Не можешь? Почему?

А н н а. Не могу решиться.

В а с с а. Жалко? А Колю - не жалко? Её всё равно арестуют, не завтра, так послезавтра. Что ж ты отказываешься услужить мне? Странно! И - не верю!

А н н а. Да - нет же, господи боже мой! Я за вас жизнь отдам! А за что я буду жалеть еврейку эту? Вы знаете - она меня презирала.

В а с с а (подозрительно). Чего же ты бормочешь, а? Не понимаю!

А н н а. Боюсь я ночью идти к ним, к жандармам.

В а с с а. Ну, вот глупости какие... Что они - сожрут тебя? (Смотрит на часы.) А, пожалуй, верно - время позднее. Попов где-нибудь в карты играет. Ладно. Ты это завтра утром сделаешь. Пораньше - часов в семь. Настояишь, чтобы разбудили его.

А н н а. Вот - уж благодарю вас... (Хватает руку, целует.)

В а с с а (отирая руку об юбку). Дурёха, даже вспотела, - капает с лица - то у тебя...

(Анна вытирает лицо.)

В а с с а. Рашель всё пугает меня, квакает: класс, класс! Какой класс? Это я - класс! Меня она и ненавидит. Да. Меня. Сына увела, как цыган коня. Ну - а сына не получит, нет! (Замолчала, думает.) Что-то мне

нездоровится. Устала, что ли... Завари малины!

Л ю д м и л а. Вася, ужинать!

В а с с а. Любишь ты поесть...

Л ю д м и л а. Да, люблю! Очень.

В а с с а. А я тебе приятное приготовила... Не для еды, а для жизни.

Л ю д м и л а. Ты - всегда...

В а с с а. Решила: покупаю у старухи Кугушевой дом - вот садик-то наш разрастётся, а?

Л ю д м и л а. Mamочка, ой, как хорошо!

В а с с а. То-то! Молодой князёк, видно, в карты проигрался...

Л ю д м и л а. Хорошо как! Господи...

В а с с а. Спешно продаёт княгиня. Завтра задаток внесу. Вот тебе и праздник.

Л ю д м и л а. Когда ты это успеваешь? Идём, идём ужинать.

В а с с а. Я - не хочу, нездоровится мне. Сейчас напьюсь малины и лягу. Ужинайте без меня!

Л ю д м и л а. А - чай?

В а с с а. Да, самовар подайте сюда, пить хочу. Рашель там?

Л ю д м и л а. Заперлась в жёлтой комнате, тоже не хочет ужинать. Какая она неприятная стала. Важная!

В а с с а. Ну иди, Людка, иди... (Осталась одна. Двигается по комнате осторожно, как по льду, придерживаясь за спинки стульев, покашливает, урчит.) Дела... Растут дела... (Хочет сесть, но не решается. Стоит спиной к двери.) Доктора, что ли, позвать?

(Пятёркин, выпивший, встрёпанный ещё больше, волосы - дыбом, показывает хозяйке язык, делает страшную рожу. Взял гитару, задел басовую струну.)

В а с с а (вздвогнув). Ох... Что это? Кто... Чего тебе?

П я т ё р к и н. З-за гитарой...

В а с с а. Пошёл вон, чёрт...

П я т ё р к и н. Иду. А как же?.. Я - не собака, в барских комнатах не живу.

В а с с а. Дурак... какой... чёрт... (Грузно садится на тахту, хочет расстегнуть ворот кофты, валится на бок. Несколько секунд тишина.)

А н н а (поднос в руках, на подносе - чайник, чашки). В спальню отнести? (Постояла, ожидая ответа. Поднос в руках её дрожит, дребезжит чашка. Осторожно поставила поднос на стол, наклонилась, взглянула в лицо. Моментально выпрямилась, громко шепчет.) Господи, господи... Васса Борисовна... Вы - что? (Прислушалась, бросилась к рабочему столу,

открыла один ящик. Роемся, нашла деньги, суёт за пазуху себе. Открыла шкатулку на столе, там тоже деньги, прячет их, нашла ключи, прячет их в карман, крышка шкатулки звучно хлопает. Анна бежит прочь из комнаты. Пауза. Наталья быстро входит, за ней - Прохор. Постепенно являются: Анна, Поля, Пятёркин.)

Н а т а л ь я (щупает рукой лицо матери; ненужно громко говорит). Умерла.

П р о х о р. Ух ты... Железнов - в одночасье, теперь - она! Опять начнёт город чепуху молотить... Ф-фу... Вот уж... Чёрт...

Н а т а л ь я. Молчите!

П р о х о р. Что там молчать! Ната, нужно за Анной следить. Ключи нужно. Ключ от сейфа. Она всё знает, Анна! Погляди в кармане юбки, нет ли ключа...

Н а т а л ь я. Не хочу. Уйдите.

П р о х о р. Ну да, уйду, как же!

А н н а (в слезах). Наталья Сергеевна - Людочка в обмороке...

Н а т а л ь я. Позвони доктору...

А н н а. Позвонила. Господи, что делать будем?

П р о х о р. Ключи - где? От сейфа ключ?

Н а т а л ь я. Рашель - сказали?

А н н а. Надо ли говорить ей, Наталья Сергеевна?

Н а т а л ь я. Вы... сволочь! (Быстро ушла.)

А н н а (всхлипнув). За что-о?

П р о х о р. Ну, ты... не тово, не раскисай! Ключ от сейфа! Где?

А н н а. Прохор Борисович, я - не забудьте - тринадцать лет, верой, правдой... (Шарит в юбке Вассы.)

П р о х о р. Получишь сколько стоишь...

А н н а. Всю молодость мою отдала вам. Вот он, ключ!

П р о х о р (идёт к сейфу, говоря Пятёркину). Лёшка, не пускай никого... Постой... Что такое? (С явной радостью.) Да ведь я опекуном несовершеннолетних буду! Чёрт те взял! Чего же это я? А? (Усмехается, глядя на Анну.) Пошла вон, Анка! Конец твоей кошкиной жизни! Иди к чертям! Завтра же! Надоела ты мне, наушница, надоела, стервоза!

А н н а. Прохор Борисович, покается! Напрасно вы это...

П р о х о р. Иди, иди! Ты своё получила, наворовала - довольно! Марш!

А н н а. Нет, позвольте! Я имею кое-что...

П р о х о р. Да, да! Имеешь, знаю! О том и говорю...

(Рашель, Наталья.)

Р а ш е л ь (Прохору, который роется в бумагах на столе). Воруете?

П р о х о р. Зачем? Своё - берём.

(Поля ведёт Людмилу.)

Л ю д м и л а (вырвалась, бросается на тахту). Мама! Ма-ама!

Р а ш е л ь. Своё! Что у вас - своё?

Занавес

1935 г.